

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.24.47.015

Основы теории социального конструирования исторического сознания

Пичугин Виталий Григорьевич

Кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии и развития человеческого капитала,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: left@lsn.ru

Аннотация

Множество исследований и публикаций о конструировании социальной реальности не формируют упорядоченной системы научного знания, достаточной для целостного понимания закономерностей и существенных связей в формировании и развитии исторического сознания. Это объясняется рядом объективных сложностей в изучении данного феномена социальной жизни. Лингвистический конструкт «историческое сознание» привлекает к себе внимание огромного числа исследователей различных научных направлений. В статье рассматриваются теоретические вопросы конструирования исторической реальности как средства формирования исторического сознания. Это представляется достаточно актуальной проблематикой, поскольку в современном обществе историческое сознание определяет самоидентификацию социума, сохранение стабильности, обеспечение жизнеспособности. Целью исследования являлось определение основных теоретических проблем социального конструирования и механизмов внедрения конструктов в историческое сознание общества. На основе междисциплинарного подхода рассмотрены основные теоретические подходы и предложены модели конструирования исторического сознания в современном мире, обозначены перспективные направления дальнейших исследований. Теоретические вопросы социального конструирования исторического сознания требуют дальнейшего пристального рассмотрения ввиду своей актуальности. Это, например, аксиологические аспекты, возможности и ограничения социально-психологического влияния на массовое сознание, воспитание и преподавание истории, донесение научных знаний для противодействия популярным, но ложным представлениям об исторической действительности.

Для цитирования в научных исследованиях

Пичугин В.Г. Основы теории социального конструирования исторического сознания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 4А. С. 127-140. DOI: 10.34670/AR.2022.24.47.015

Ключевые слова

Сознание, история, социальный конструкт, массовое сознание, историческое сознание, конструирование.

Введение

Множество исследований и публикаций о конструировании социальной реальности не формируют упорядоченной системы научного знания, достаточной для целостного понимания закономерностей и существенных связей в формировании и развитии исторического сознания. Это объясняется рядом объективных сложностей в изучении данного феномена социальной жизни. Лингвистический конструкт «историческое сознание» привлекает к себе внимание огромного числа исследователей различных научных направлений. Философы, социологи, психологи, лингвисты, культурологи, историки рассматривают один и тот же объект, но исходя из разных методологий, с помощью разной терминологии, совокупности утверждений и понятий. Поэтому объективно сложно представить одну теорию социального конструирования исторического сознания даже при наличии междисциплинарного подхода. Исходным базисом, основой теории социального конструирования исторического сознания может быть значительный объем исследований в области социальной философии, социологии, социальной психологии, истории, при всем разнообразии подходов, идеологий, смыслов – в предметном изучении проблемы исторического сознания конкретными авторами.

Теоретические аспекты исторического сознания

В 20-х годах XIX века возник повышенный интерес к исследованию коллективных представлений. М. Хальбвакс в монографии [Хальбвакс, 2007], вышедшей в 1925 году, обратил свой интерес к вопросам возникновения, становления и развития «коллективной памяти», проанализировав и синтезировав анализ коллективных представлений Э. Дюркгейма с пониманием времени в философии Анри Бергсона. По Хальбваксу коллективная историческая память отлична от истории: в коллективной памяти нет четкого деления на периоды, которое присутствует в исторической науке. Группа сохраняет в памяти события как непрерывный ход мыслей в сознании. Понятие «культурной памяти» (Л.С. Выготский и А.Р. Лурия) предложено в рамках концепции социальной памяти как культурный, а не биологический феномен, который приобретает в процессе социальной деятельности. В дальнейшем, немецкий историк религии и культуры Я. Ассман дополнил понятие «коллективной памяти», включив в нее две составляющие: коммуникативную и культурную память [Ассман, 2004]. По мнению Я. Ассмана, коммуникативная память выражается в представлении исторического опыта в индивидуальной биографии. Это так называемая «живая память» современников, которая существует, пока живы ее носители – участники событий. Культурная память отражает «абсолютное» прошлое в виде ритуалов, праздников, церемоний, что является символической формой передачи и актуализации культурных смыслов прошлого. Носителями такой памяти являются хранители традиции, специалисты.

Трудно представить историческое сознание, при всех возможностях конструирования совсем никоим образом не основанное на коллективной (исторической) памяти. Ведь «...историческое сознание формируется на основе обыденных социально-психологических представлений и знаний о прошлом (т. е. коллективной памяти); научных представлений и концепций; художественно-образного воспроизведения исторического процесса; политико-идеологических и морально-оценочных представлений о событиях прошлого» [Свирида, 2004]. В этом плане остается абсолютно неисследованным (с учетом современных информационно-коммуникационных технологий) вопрос, насколько историческое сознание формируется как

отражение исторической действительности у индивидуума и общества и в какой мере происходит формирование в процессе сознательного и целенаправленного конструирования прошлого и его представления в общественном сознании. А также – как коллективная память способна фиксировать реальные события настоящего и прошлого и каким образом былое в большом временном промежутке может быть отражено (или сконструировано) в сознании людей настоящего.

Марк Блок (один из основателей школы анналов) в своей статье «Коллективная память, традиция и обычай касательно недавно вышедшей в свет книги» [Block, 1925], опубликованной в «Журнале исторического синтеза» анализирует идеи М. Хальбвакса из его книги «Социальные рамки памяти»». Хальбвакс в своей работе представил способ существования прошлого в сознании, на что М. Блок предложил свое понимание функционирования социальной памяти как «усилия восстановления» прошлых событий, а не простого пассивного созерцания картинок. То есть воспоминание является, «в сущности, восстановлением прошлого» на основе имеющихся в социуме понятий, форм языка, традиций и т.п., которые были ранее подготовлены многими другими людьми. По М. Блоку, влияние социума на память конкретного человека происходит практически всегда, в том числе и во сне. Общество осуществляет постоянное пополнение памяти индивидуума. Это задает социальные рамки для индивидуальных фактов. Утверждается не онтологическое существование групповой памяти, а детерминация индивидуальной памяти. Процесс социализации личности во многом является «загрузкой» памяти общественного сознания. Ведь, исходя из базовых посылок социального конструктивизма, представляется достаточно убедительным утверждение Л.С. Выготского о том, что развитие высших психических функций происходит сначала именно на социальном уровне через знаковую систему, которая, в свою очередь, является глубинной сущностью общественной памяти.

Преемник школы «Анналов», французский историк П. Нора руководил исследованиями в большом проекте «места памяти», который был издан в 1992 году в семи томах. В фрагменте труда «Проблематика мест памяти» [Нора, 1999, 17] автор пришел к выводу о коренном изменении исторического сознания благодаря средствам массовой информации и об исчезновении памяти социальных групп ввиду исчезновения последних – например, крестьянства. Согласно П. Норе, историческое сознание лишилось целостности, перестали работать институты передачи социальной памяти и традиций: семья, школа, церковь, государство, идеология. Историческая память не может существовать в эпоху диалогического постмодернистского дискурса, поскольку не терпит множественности, интерпретаций. Если нечего и некому передавать, то общество неизбежно приходит к социальному конструктивизму, а от памяти остаются только места памяти – «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем <...> сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. <...> в обществе, которое стремится распознавать только равных и идентичных индивидов <...> переход от тотемической истории к истории критической – это и есть момент мест памяти. Больше никто не прославляет нацию, но все изучают способы ее чествования» [там же, 26]. В 2010 году П. Нора прочитал открытую лекцию в РГГУ, содержание которой было опубликовано под названием «Существует ли историческая идентичность Франции?» [Нора, 2010]. Автор говорил о Франции, но представляется, что это

можно сказать о любой стране. П. Нора констатировал возникновение целой философии «приспособления к духу времени», позволяющей политикам и правящим элитам решать, что в истории является истиной, и возводить в закон эти решения. Фактически – создавать социальные конструкты, формируя историческое сознание общества и подкрепляя это запретом на сомнения через законодательные решения.

Ханс-Георг Гадамер в 1960-е годы предложил использовать герменевтику как универсальную среду гуманитарного знания и культуры в целом. В понимании автора историческое сознание имеет характер «действенно-исторического» и направлено от релятивности к тотальности. Любое понимание включает интерпретацию, что не является нахождением смысла, а лишь его привнесением. То есть первичный смысл текста не ищется, а создается заново [Гадамер, 1999, 202]. Обращение к преданию, которое отделено временной дистанцией, дает возможность интерпретировать, находясь в отстранении, соотносить историчность предания с собственной историчностью, быть «открытым» в отношении вопросов предания. Это то, что автор назвал «действенно-историческим сознанием». Стоит отметить, что любой интерпретации присущ некоторый субъективный конструктивизм, «привнесение смысла» зачастую характеризуется процессом проекции личностных образов, убеждений, верований.

Х.-Ю. Пандель полагал, что историческое сознание конструируется различными аспектами осознания (измерения), а не мыслительными операциями. Измерения, отражающие историчность: сознание времени, сознание действительности, сознание историчности. Измерения, отражающие общественность: сознание идентичности, политическое сознание, экономико-социальное сознание, моральное сознание [Pandel, 1991]. Автор фактически перечислил формы общественного сознания, утверждая, что осознание и есть процесс конструирования. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку человек многое осознает (приходит к пониманию), «отражая» действительность.

Как и Х.-Ю. Пандель, историк Бодо фон Боррис рассматривал историческое сознание с точки зрения личностного отношения к прошлому, относя его к крайне индивидуальной сфере, поскольку полагал, что от личных потребностей людей зависит их историческое мировоззрение. Бодо фон Боррис предложил четырехуровневую модель индивидуального исторического сознания [Borries, 1988]. На первом уровне происходит неосознанное восприятие истории без наличия каких-либо знаний о ней, это больше эмоциональный процесс, детерминирующий все стороны жизни человека. Второй уровень – эстетическое отношение к истории, восприятие «эпичности», наделение ее атрибутами «легендарности». Возможно, это тот уровень, на котором происходит соприкосновение с массовым историческим сознанием с его символами, мифами, легендами. Третий уровень опосредован получением конкретных исторических знаний – на этом основании появляется моральная оценка истории. Последний уровень характеризуется историческим пониманием действительности, возникновением ответственности в повседневной жизни ввиду критического осознания исторического опыта. Хотя автор рассуждает об индивидуальном историческом сознании, стоит отметить, что все происходящее на четвертом уровне невозможно без включения индивида в социальную деятельность и влияния массового исторического сознания на личность.

Особый интерес вызывает типизация исторического сознания (культуры) Йорна Рюзена. Его динамическая модель в этом плане похожа на представление исторического сознания у Ю. Штрауба, Х.-Г. Гадамера. Рюзен попытался совместить социальную практику с историческим сознанием, сопряженным с категорией времени. Автор полагает, что смысл

исторического сознания – в придании (конструировании) значения или смысла опыту изменений во времени. Для этого необходима способность иметь опыт темпоральной инаковости, интерпретации, ориентации и самомотивации. Нет возможности четко разделить последовательность на прошлое, настоящее и будущее. Поэтому «времена открыты друг другу», а «прошлое можно сделать лучше» – не только интерпретировав факты по-иному, но и пересмотрев опыт жизни на основе другого, нового прошлого. Рюзен исходит из принципиальной возможности и необходимости совмещения рационализма и постмодернизма. Поэтому важно как модернистское понимание прошлого (как части настоящего), так и постмодернистское (прошлое оторвано от настоящего, непроницаемо). Историческая интерпретация должна быть основана на некой универсальной ценности, чтобы не сеять вражду и непонимание в социуме: «...нам нужна ведущая система ценностей, универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур. Я считаю, что существует фундаментальная ценность, которая должна быть внесена в стратегию исторической интерпретации, ценность, которая одновременно является как универсальной, так и обосновывающей разнонаправленность и различие. Я думаю о нормативном принципе взаимной признательности и признания различий в культуре» [Рюзен, 2001, 8]. Вера Рюзена в существование универсальной ценности позволяет ему надеяться на трансляцию гуманности как последовательности истории. Типизация исторического сознания (исторического нарратива) по Рюзену состоит из четырех нарративов: традиционного, поучительного, критического и генетического. Отсюда следует: историческое сознание является совокупностью ментальных операций для соединения опыта прошлого, интерпретации настоящего и создания образов (ожидания) будущего. Это формирует практическое ориентирование в повседневной жизни. Конструирование понимается как придание смысла прошлому и времени в общем с помощью наррации – это и есть основная функция исторического сознания.

По мнению В. А. Ельчанинова, историческое сознание заключается в «многообразном по форме отражении, оценке и эмоциональном переживании развивающейся во времени социальной действительности» [Ельчанинов, 2011]. Автор возражал против самой постановки вопроса о сознательном конструировании и внедрении в историческое сознание «различного рода мифификаций, искажений, вымысла, легендарных сведений об исторических событиях, эпохах, людях» [Ельчанинов, 2007, 57]. По мнению Ю. А. Левады, историческое сознание охватывает все многообразие стихийных или созданных наукой форм, посредством которых общество осознает свое прошлое, воспроизводя «движение во времени». В каждой эпохе историческое сознание имеет определенную систему взаимодействия народных преданий, мифологических представлений «практических» и «теоретических» форм социальной памяти, причем научное знание является лишь одним из элементов в этой системе [Левада, 1969]. Автор полагал, что историческое сознание и память имеют прямую аналогию, память общества включает в себя историческое сознание как один из элементов, сама эта память общества имеет «короткую, опосредованную, и долговременную» составляющую. М.А. Барг предлагал несколько вариантов понимания исторического сознания. Одно из самых кратких: «Это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее» [Барг, 1982, 49]. Автор также однозначно высказывался о невозможности сводить историческое сознание к исторической памяти. М.А. Барг, наверное, первым из советских ученых высказался о содержании и соотношении профессионального исторического сознания и массовых представлений о нем, отметив важную творческую роль интеллектуальной деятельности в конструировании исторического сознания определенной эпохи.

Огромный вклад в теоретические и методологические вопросы исторического сознания внесли также А.В. Гулыга, Б.Г. Могильницкий, К.М. Кантор, И.С. Кон, Н.С. Розов и многие другие.

Стоит отметить, что историческое сознание в советский период могло быть истолковано исключительно через призму исторического материализма. Исследователи часто указывали на его основную функцию обособления «общности людей» и возложения на нее великой всемирно-исторической миссии. В последние два десятилетия историческое сознание предлагается рассматривать не просто как часть общественного, а как фундаментальный социально-онтологический принцип. Такой подход позволяет конструировать историю в форме специфической картины мира (К.М. Кантор, В.М. Межуев, В.С. Шмакова и др.).

Историческая память не статична — она постоянно находится в процессе обновления. Это позволяет поддерживать идентичность социума посредством реконструкции воображаемого прошлого. Когда общество сталкивается с действительностью, не отвечающей рамкам устоявшихся представлений, требуется основательная реорганизация памяти о минувшем, изменение, воссоздание заново целостного образа прошлого [Репина, 2014].

Если теоретические вопросы понимания исторического сознания представлены достаточно объемно, то нельзя утверждать то же самое в отношении теоретической разработанности проблем социального конструирования исторического сознания. Поэтому необходимо представить теоретические подходы разного вида конструктивизма как явления в социальной жизни с присущими ему атрибутами становления, изменчивости, манипулируемости. Здесь следует опираться на выводы исследователей исторического сознания о возможности и зачастую неизбежности социального конструирования в динамических процессах формирования и развития исторического сознания современности.

Историческое сознание как социальный конструкт: теоретическое обоснование

Исходя из теоретических представлений об историческом сознании как о «многообразии стихийных или созданных наукой форм» (Ю.А. Левада), «многообразном по форме отражении, оценке и эмоциональном переживании, развивающейся во времени социальной действительности» (В.А. Ельчанинов), можно представить историческое сознание как непрерывный процесс, содержание которого — как отражение прошлых событий, так и конструирование истории на основе реальных фактов, а также создание симулятивных образов прошлого.

В постмодернистском представлении о реальности, включая исторические события в их временной связи, все восприятие субъективно, а человек оперирует лишь знаками в окружении симулякров, воспроизводимых посредством интерпретации в сознании, которое самостоятельно и произвольно в каждый момент времени определяет, что реально и ценно, а что нет. Согласно Ж. Бодрийяру, социальная реальность симулятивна, а образ реальности имеет не меньшее значение, чем она сама. Продуцирование образов происходит как индивидуально, так и на уровне «разделяемой реальности», посредством которой формируется устойчивое образование — общественное сознание. Субъект, производящий смысл, зависит от множества внешних и внутренних факторов: это желания, предпочтения, нормы, правила, культурные коды, которыми живет социум. Поэтому историческое сознание может быть сконструировано через специфическое восприятие множественной и неопределенной действительности, в

которой нет ценности исторического опыта и самого субъекта. Ж. Делез полагал, что уже не будет возврата к «субъекту» как инстанции, имеющей знания, обязанности, власть. Постмодернизм не представляет возможности быть собой, не отвергая идеологию и ценности, не уходя в рациональное. По М. Фуко, возвращение к себе – это принятие ценностей и опыта прошлого, чтобы оценить себя настоящего. Традиция и опыт исчезают в описательности и безоценочности, все ценности становятся равными, отчего появляется безразличие выбора и, соответственно, отказ от сознательного выбора. Все это означает лишь одно: когда субъект отказывается делать выбор, появляется возможность выбирать за него скрытно или явно. Другими словами – формировать посредством социального влияния (конструирования) ту или иную картину мира, в том числе о прошлом.

Конструктивизм в формировании картины мира личности и общества достаточно разнообразен. Он представляет собой несколько направлений, имеющих теоретические предпосылки в социологии, психологии, философии. Основные идеи конструктивизма заключаются в возможности познания без полного или частичного отражения реальности, обусловленности сознания языковой и культурно-исторической связанностью, зависимостью познания и понимания от индивидуальных конструктов, сформированных в процессе развития личности, множественностью способов концептуализации событий (конструктивным альтернативизмом), неоднозначностью и плюрализмом истины. Психическое отражение и репрезентация весьма условны, поскольку сознание субъекта само активно создает образы познаваемой действительности, что является лишь отдаленным ее отражением. Автор теории личностных конструктов Дж. Келли полагал, что «...события не приходят к нам и не говорят, что и как надо делать, – они просто идут своим чередом. Если что-то и управляет нашими мыслями и действиями, так это созданная нами структура» [Келли, 2000, 32]. Согласно общему определению, конструкты – это способы описания мира, придания смысла событиям прошлого и настоящего посредством их классификации, оценки, истолкования, создания шаблонной картины мира для понимания прошлого и настоящего — своего рода фильтра восприятия действительности и предсказания будущего. В психологии личности Дж. Келли определял конструкты как индивидуальные биполярные значения (хороший – злой), в которых происходит оценка происходящего [там же]. Конструктивизм не отрицает самой возможности соответствия конструктов действительности. Поэтому теории, знания, интерпретации не обязательно должны быть оторваны от реальности. Радикальный конструктивизм предполагает невозможность получить знания извне: они не могут быть перенесены, отражены, не являются отображением действительности, поскольку живые организмы не могут разорвать своей замкнутости, выйти за рамки самосозданной когнитивной картины реальности. По Х. Фон Ферстеру, сознание и когнитивные процессы подвержены «круговой идентичности», «информационной замкнутости», «самореферентности». Поэтому мы не можем получить знания извне – нам остается лишь согласовывать собственный опыт с окружающей действительностью в процессе жизнедеятельности.

В рамках социальной психологии в 60–70-х годах XX века возник социальный конструктивизм (Дж. Шоттер, К. Герген, Р. Харре), основанный на идеях постмодернизма и постструктурализма, а также философии диалога, теории речевых актов, герменевтики. Как направление в социальных науках новый конструктивизм противоречил традиционной западной философии, отрицая знания как результат процесса восприятия и рационального мышления субъекта познания. Он отводит главную роль дискурсу и отношениям между людьми в субъективном конструировании картины мира и личностного «я». Происходит отказ от

принятия всеобщих абсолютных истин, эталонов поведения. Ведь все, что люди считают существующим в реальности, чему придают ценность или красоту, что понимают как правильное и достойное для постижения, может быть сконструировано посредством языковых форм в общении с другими людьми. Конструкты (картины мира) тесно связаны с разделяемой реальностью (внутригрупповым и межгрупповым согласием) в различных сообществах, объединенных по этническим, профессиональным, научным, религиозным и другим признакам, члены которых имеют общее понимание, что для них существует и представляет собой ценность. В социальном конструировании главными становятся сообщества людей и их отношения, социальные конвенции, дискурс и язык, диалог, нарратив. К. Герген полагал, что важным является понимание способов производства того, что называется объективным знанием, того, чем оно обосновано, какова идеологическая и ценностная интерпретация, каковы исторические корни разных форм понимания, насколько велик диапазон изменчивости человеческих смыслов в различных культурах. Отсюда следует, что объективные знания могут представлять собой лишь совокупность конструктов и быть «разделяемой реальностью» для определенных сообществ с их ценностями, идеологией, пониманием истории.

Занимаясь социологией знаний, П. Бергер и Т. Лукман обозначили важные теоретические положения социального конструирования в работе «Социальное конструирование реальности» [Бергер, Лукман, 1995]. Ученые утверждали, что традиции являются основами тех феноменов социальной жизни, которые люди создают, непрерывно конструируя реальность, получая знания о ней. В социальном взаимодействии формируются и поддерживаются знания, включая основополагающие представления, называемые «здоровым смыслом». Повседневность, в которой проявляются потребности человека, и есть настоящая субъективная реальность, ибо другие оказываются не в фокусе внимания, уходят на периферию. Важен процесс удовлетворения своих потребностей здесь и сейчас – сознание в это время вытесняет любую другую реальность, делает ее «областью конечного знания». Сектора реальности делятся на «привычные», в которых человек ориентируется, и «проблематичные», где много неосвоенного, чужого и непонятного. Знания индивида становятся богаче и глубже именно благодаря исследованию «проблематичных» секторов повседневной реальности, которая существует за счет социального взаимодействия людей. Субъективизация процесса общения «лицом к лицу» дает возможность партнерам воспринимать друг друга как более реальных. Происходит установление типизации, в рамках которого возникает общепринятое взаимодействие. Поэтому социальную структуру можно определить как «сумму типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия» [там же, 25]. Привычные действия в повседневной жизни создают разделяемую и узнаваемую типизацию в обществе, которая образует целые институциональные системы. Социальное конструирование реальности происходит посредством «опривычивания», в терминологии авторов – «хабитуализации институциональных действий», а также с помощью системы социального контроля и статусно-ролевой системы. Повторяющиеся действия со временем становятся образцом, который легко усваивать и воспроизводить. Поэтому личность социализируется в обществе посредством восприятия и усвоения этих образцов, элементов окружающей реальности (интернализации). Так происходит принятие картины мира в результате взаимодействия, «перенимания от другого» того мира, в котором «другие уже живут». В ходе этого процесса у человека формируется соответствующая принятой реальности идентичность, понимание действительности. Возникают определенные ожидания от других людей, что позволяет

организовать поведение человека в нужном ролевом русле. Этот процесс интернализации продолжается всю жизнь, начиная с первичной социализации.

Как упоминалось, по П. Бергеру и Т. Лукману историческое сознание может формироваться в социальном взаимодействии через «перенимание от другого» того мира, в котором «другие уже живут», то есть при переносе совокупности представлений об историческом прошлом через различные социально-психологические механизмы. При этом историческое знание не может претендовать на отражение действительности прошлого. С позиции конструктивизма знание вообще не отображает мир, репрезентация прошлого и настоящего не отображается в сознании социума или индивидуума. Отсюда следует, что объективное знание невозможно.

Историческая память конструируется тем более, чем ближе мы приближаемся к концепции «хорошего знания», пригодного, нужного, полезного для политической ситуации, идеологических установок, социально-психологического климата в стране. Познавая историческую реальность, общество выстраивает (конструирует) «пригодное знание» о прошлом, которое различными механизмами переноса индуцируется в индивидуальном и общественном сознании. Если не существует предмета знания, независимого от субъекта, то именно люди являются создателями конструктов в историческом сознании. Такие конструкты не должны соответствовать онтологической реальности. Однако они вполне могут быть встроены в общую структуру опыта, подходить для этой структуры. Конструкты тем «живее» в историческом сознании, чем более отвечают общественному опыту, ожиданиям и верованиям социума. Это не объективность, а приспособление, обеспечивающее «жизнеспособность» конструктов, их передачу из поколения в поколения. А значит, истина в ее традиционном понимании несущественна, она становится множественной, изменяемой в зависимости от конкретного исторического момента и политической целесообразности. Объяснить обеспечение замкнутости и неизменности конструктов в историческом сознании, включая симулятивные образы памяти, могут постулаты теории сложных саморегулирующихся систем (У. Матурана, Ф. Варела). В соответствии с этой теорией, мозг и живой организм обладают способностью к самопроизводству и самодотраиванию (автопоэтичности). Поэтому в самореференционной системе репрезентация действительности обусловлена когнитивными структурами живого организма, а не объективностью окружающего мира. Историческое сознание находится в автономной когнитивной системе и не изменяется извне, а определяется исключительно собственными состояниями. Стоит добавить, что такая теоретическая модель возможна, если представления о прошлом уже «загружены» в сознание и поддерживаются в социуме на уровне разделяемой реальности, соответствуют ожиданиям и практической выгоде людей.

Заключение

Исходя из многих положений философии истории, складывается картина решительного отрицания исторического единства. Это во многом объясняется ориентацией исторического сознания, его содержанием, отсутствием исторической целостности в интерпретации и объяснении событий прошлого. Множество истин, «обособленных и замкнутых» социальных шаблонов, «хороших знаний» превращают историю в объединение относительно случайных фактов, которые более или менее связаны каузальными отношениями. Многие социальные конструкты в историческом сознании выполняют роль теоретического обоснования исторической целостности и непрерывности в конкретном обществе на определенном этапе исторического развития.

Конструкты в историческом сознании обладают дуалистическим содержанием. С одной стороны, они провозглашаются самыми динамично меняющимися в структуре общественного сознания. С другой — «что было, то и будет», то есть социум в процессе познания постоянно воспроизводит не отраженную историческую реальность и даже не какие-то новые уникальные конструкты, а «стихийные формы» памяти: культурные стереотипы, мифы, формирующие шаблонное восприятие, и т. п. Это вызвано необходимостью и выступает важнейшим фактором политического, идеологического, религиозного противоборства. Поскольку такое противоборство происходит непрерывно, то неизменно востребовано сохранение традиционных конструктов в историческом сознании.

Детерминация конструктов как необходимость характеризуется избирательностью, поскольку, по меткому замечанию Я. Ассмана, «...только значимое прошлое вспоминается, и только вспомненное прошлое становится значимым». Создаются и поддерживаются конструкты, имеющие важное значение для конкретного общества, выполняющие функцию объединения (социально-конструирующую), поддерживающие социальную стабильность.

Современное общество достигло высокого уровня развития информационно-коммуникационных технологий. На этом уровне общественное сознание подвергается массивному влиянию средств массовой информации, субкультур, замещению традиционной культуры навязанной глобальной моделью, отражающей имманентную сущность глобализации как диалектического процесса. Теперь историческое сознание может характеризоваться только как конкуренция идеолого-политических конструктов, формирующих и поддерживающих представление о прошлом. Это, в свою очередь, позволяет сохранять относительное единство в обществе. На всех уровнях формирования исторического сознания в современном обществе, при всем разнообразии теорий и подходов превалирует практический конструктивизм. Он является неизбежностью, будучи необходимым инструментом управления в мире противоборства и нестабильности.

На первом уровне исторического сознания основные знания и жизненный опыт накапливаются, проходя через призму субъективного восприятия и явного или скрытого влияния различных заинтересованных групп, сообществ, объединений, государства, которые конструируют «правильное», «нужное» представление о историческом прошлом. На этом уровне широкие массы населения, являясь носителями обыденного сознания, легко воспринимают эмоционально окрашенные формулировки, конструкты ярких и простых образов, лозунги, мифы, нарративы о великом прошлом и перспективном будущем. В данном случае теория конструирования исторической реальности базируется на обширных исследованиях социально-психологического влияния — как в отношении больших масс людей, так и конкретных индивидуумов.

В качестве продолжения первого этапа формирования исторического сознания происходит освоение художественной литературы, фильмов (о прошлом и настоящем), живописи, просмотр телевизионных программ, театральных постановок, прослушивание радиоконтента. Как правило, усвоение потока информации создает отрывочные и хаотичные образы прошлого при отсутствии систематизации и хронологической последовательности. Художественные формы и массовое вещание также представляет собой яркие и эмоционально окрашенные конструкты, которые формируют историческое сознание через социально-психологическое влияние. Это во многом уже зависит от конкретных (знаковых) личностей: актеров, художников, поэтов, писателей, а также тех, кто отбирает и формирует информационный поток.

Человек получает исторические знания непрерывно в потоке различного рода информации.

Что касается школьного обучения, то оно не представляется систематическим и глубоким. Это просто один из множества предметов, которые изучают дети. Будут ли эти знания вообще восприняты детьми? Все зависит от занимательности самой программы, личности учителя. А также от понимания обучающимся важности исторических знаний. Однако в возрасте 10-15 лет это представляется проблематичным. Самостоятельное изучение истории сталкивается с такими реалиями современности, как «клиповое мышление», изложение материала в виде комиксов, трехминутных роликов, а также большого количества фантазмагорических конструкций, таких как реконструкция истории (Фоменко, Носовский).

Считается, что высшей ступенью в формировании исторического сознания является всестороннее теоретическое осмысление прошлого на основе массива накопленных научных знаний. Это не касается массового сознания напрямую. Речь идет о профессиональных историках либо о людях, которые занимаются научной деятельностью, сопряженной с необходимостью получения глубоких исторических знаний, — например, социологах, философах, социальных психологах. Такие люди часто сами являются авторами определенных конструктов, особенно если страстно привержены той или иной идеологической концепции. Например, в СССР не было иной установки в исторических исследованиях, кроме марксистско-ленинской теории, хотя советский конструкт истории преподавался качественно в плане влияния на массы и усвоения ими «правильных знаний», соответствовавших требованиям того исторического момента.

Можно выделить несколько моделей конструирования исторического сознания в современном мире.

Вот одна из самых распространенных: сначала создается конструкт, под него выборочно находят факты из прошлого, которые будут поддерживать и доказывать правильность и обоснованность созданного конструкта. Как разновидность этого варианта — если подходящих исторических фактов нет, их просто выдумывают. Например, чтобы обосновать известный конструкт «мы самая древняя нация», приводятся абсолютно не имеющие отношения к реальности события, победы и свершения, якобы имевшие место много тысяч лет назад.

Другая модель предполагает предоставление формулировки необходимого конструкта на основе реально происходивших событий и встраивание его в массовое сознание. Тут главное — интерпретация. Поэтому неудивительно, что в отношении одних и тех же событий прошлого у двух государств могут быть прямо противоположные политико-идеологические конструкты, являющиеся неотъемлемой частью исторического сознания жителей конкретной страны.

Самая сложная для анализа модель — смешанная. Здесь в конструкте присутствуют и настоящие события прошлого, и симулятивные образы памяти, и факты истории, вызывающие споры относительно их достоверности, в отношении которых общественное мнение меняется на противоположное за короткий промежуток времени. В этой модели случается рассогласование, когда конструкт уже не соответствует общественному восприятию событий истории, а значит, люди не верят в те формулировки, которые были сконструированы для внедрения в сознание общества. Поэтому для смешанной модели актуальна проблема управляемой деконструкции. Без ее решения сложно представить устойчивое развитие общества в процессе бесконтрольного разрушения старых конструктов и хаотичного создания новых.

Теоретические вопросы социального конструирования исторического сознания требуют дальнейшего пристального рассмотрения ввиду своей актуальности. Это, например, аксиологические аспекты, возможности и ограничения социально-психологического влияния на

массовое сознание, воспитание и преподавание истории, донесение научных знаний для противодействия популярным, но ложным представлениям об исторической действительности.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 363 с.
2. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 322 с.
4. Гадамер Г.Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999. С. 202-243.
5. Ельчанинов В.А. Социогенетика и проблемы исторического сознания. Барнаул, 2007. 134 с.
6. Ельчанинов В.А. Теоретические проблемы исторического сознания. Новосибирск, 2011. 132 с.
7. Келли Дж. Теория личности: психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 428 с.
8. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 186-224.
9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17-50.
10. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Мир истории. 2010. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>
11. Репина Л.П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008-2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206-223.
12. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 8-27.
13. Свирида Н.Н. Историческое сознание как явление культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004. 18 с.
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
15. Block M. Memoire collective, tradition et coutume a propos d'un livre recent // Revue de synthese historique. 1925. Т. 40. P. 73-83.
16. Borries B. von. Geschichtslernen und Geschichtsbewusstsein. Empirische Erkundungen zu Erwerb und Gebrauch von Historie. Stuttgart: Klett, 1988. 256 p.
17. Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1991. P. 3-15.

Fundamentals of the theory of social construction of historical consciousness

Vitalii G. Pichugin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Psychology and Human Capital Development,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: left@lsn.ru

Abstract

Many studies and publications on the construction of social reality do not form an ordered system of scientific knowledge sufficient for a holistic understanding of the patterns and essential connections in the formation and development of historical consciousness. This is due to a number of objective difficulties in studying this phenomenon of social life. The linguistic construct "historical consciousness" attracts the attention of a huge number of researchers in various scientific

fields. The article deals with the theoretical issues of constructing historical reality as a means of forming historical consciousness. This seems to be a rather urgent problem, since in modern society, historical consciousness determines the self-identification of society, maintaining stability, and ensuring viability. The aim of the study was to identify the main theoretical problems of social construction and the mechanisms for introducing constructs into the historical consciousness of society. On the basis of an interdisciplinary approach, the main theoretical approaches are considered and models for the construction of historical consciousness in the modern world are proposed, promising areas for further research are indicated. Theoretical issues of the social construction of historical consciousness require further close consideration due to their relevance. These are, for example, axiological aspects, the possibilities and limitations of the socio-psychological influence on the mass consciousness, the education and teaching of history, the dissemination of scientific knowledge to counter popular, but false ideas about historical reality.

For citation

Pichugin V.G. (2022) Osnovy teorii sotsial'nogo konstruirovaniya istoricheskogo soznaniya [Fundamentals of the theory of social construction of historical consciousness]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (4A), pp. 127-140. DOI: 10.34670/AR.2022.24.47.015

Keywords

Consciousness, history, social construct, mass consciousness, historical consciousness, construction.

References

1. Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow.
2. Barg M.A. (1982) Istoricheskoe soznanie kak problema istoriografii [Historical consciousness as a historiographic problem]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 12, pp. 49.
3. Berger P., Lukman T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ.
4. Bloch M. (1925) Memoire collective, tradition et coutume a propos d'un livre. *Revue de synthese historique*, 40, pp. 73-83.
5. Borries B. von. (1988) *Geschichtslernen und Geschichtsbewusstsein. Empirische Erkundungen zu Erwerb und Gebrauch von Historie*. Stuttgart: Klett.
6. El'chaninov V.A. (2007) *Sotsiogenetika i problemy istoricheskogo soznaniya* [Sociogenetics and problems of historical consciousness]. Barnaul.
7. El'chaninov V.A. (2011) *Teoreticheskie problemy istoricheskogo soznaniya* [Theoretical problems of historical consciousness]. Novosibirsk.
8. Gadamer G.G. (1999) Tekst i interpretatsiya [Text and interpretation] In: *Germenevtika i dekonstrukciya* [Hermeneutics and deconstruction]. St. Petersburg.
9. Halbwachs M. (2007) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. In: *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social confines of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.
10. Kelly G. (2000) *Teoriya lichnosti: psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [The psychology of personal constructs]. St. Petersburg: Rech' Publ.
11. Levada Yu.A. (1969) Istoricheskoe soznanie i nauchnyj metod [Historical consciousness and scientific method]. In: *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki* [Philosophical problems of historical science]. Moscow.
12. Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [The problem of memory places]. In: *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. St. Petersburg.
13. Nora P. (2010) Rasstroistvo istoricheskoi identichnosti [The Disorder of Historical Identity]. *Mir istorii* [World of History], 1. Available at: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> [Accessed 08/08/2022]

14. Pandel H.-J. (1991) Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen. In: *Geschichtsbewusstsein empirisch*. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges.
15. Repina L.P. (2014) Sotsial'nye krizisy i kataklizmy v istoricheskoi pamyati: teoriya i praktika issledovaniya [Social crises and cataclysms in historical memory: theory and practice of research]. In: *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2008-2013 god* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, years 2008-2013]. Moscow: Nauka Publ.
16. Ryuzen J. (2001) Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati) [Losing the consistency of history (some aspects of historical science at the crossroads of modernism, postmodernism and the debate on memory)] *Dialog so vremenem* [A dialogue with time]. *Al'manakh intellektual'noi istorii* [Almanac of Intellectual History], 7, pp. 8-27.
17. Svirida N.N. (2004) *Istoricheskoe soznanie kak yavlenie kul'tury*. Doct. Dis. [Historical consciousness as a phenomenon of culture. Doct. Dis.]. Omsk.